

УДК 343.1
ББК 67.410

И.Г. Смирнова,
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: НЕКОТОРЫЕ СУЖДЕНИЯ О ЕЕ СУЩНОСТИ, СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ И МЕСТЕ В УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье рассматривается уголовно-процессуальная политика как самостоятельное направление государственной социальной политики, элемент уголовной государственной политики, выступающей во взаимосвязи с политикой уголовно-правовой и уголовно-исполнительной, доказывается, что уголовно-процессуальная политика может быть реализована средствами как внутренней, так и внешней политики.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовно-правовая политика; уголовно-процессуальная политика; политическое прогнозирование; средства уголовно-процессуальной политики.

I.G. Smirnova,
Ph.D. in Law, Ass. Professor

CRIMINAL PROCESS POLICY: SOME SPECULATIONS ON ITS ESSENCE, SOCIAL DETERMINATION AND ITS PLACE IN THE CRIMINAL POLICY

The paper views criminal process policy as an independent element of state social policy that is interwoven with the criminal law and criminal prosecution policy. It is proven that criminal process policy can be implemented by both domestic and foreign policy means.

Key words: criminal policy; criminal law policy; criminal process policy; political prognostication; means of criminal process policy.

Вопрос о правовой политике не нов для российской науки. Так, в России теоретически больше всего разрабатывалась уголовная политика. Благодаря М.П. Чубинскому курс уголовной политики был введен в учебный план университетов [12, с. 359].

Следует отметить, что «политика» является одним из самых распространенных и многозначных терминов в русском языке. Существующие научные определения политики делятся на три основные группы: социологические, субстанциональные и научно сконструированные [18, с. 7–14]. Поскольку право выступает одним из социальных образований, логично придерживаться социологического подхода к определению политики (т. е. путем выявления ее сущностных черт через иные социальные категории).

Следует заметить, что первоначально уголовная политика рассматривалась как организация уголовного законодательства в соответствии с началами естественного права, особенностями национальной культуры; деятельность государства в борьбе с преступ-

ностью [12, с. 359–366]. В этой связи следует отметить, что и сегодня вопрос о сущности уголовной политики не потерял своей дискуссионности, о чем свидетельствует анализ специальной литературы, посвященной политике, тогда как проблемы уголовно-процессуальной политики почти не затрагиваются в науке. Тем более не обсуждалось, насколько уголовно-процессуальная политика отражает социальные ценности уголовно-го судопроизводства и следует им.

Несомненно, ориентация государства на интересы социума закономерно влечет за собой формирование и последовательную реализацию социальной государственной политики, к которой по праву относят политику правовую. Совершенно справедливо отмечает С.С. Босхолов: «... подобно тому, как преступность является зеркальным отражением функционирующих в обществе социальных явлений и процессов, уголовная политика является также своего рода зеркалом, в котором отражается социальная политика государства в целом» [3, с. 7].

Несмотря на то, что необходимость существования правовой политики ни у кого не вызывает сомнений, в литературе справедливо подчеркивается, что именно отсутствие четкой правовой политики, ее бессистемность являются причинами недостижения поставленных целей [17, с. 100].

Следующей системообразующей категорией является уголовная политика, по поводу которой также не сложилось единства мнений. Так, некоторые ученые полагают, что уголовная и уголовно-правовая политика являются идентичными. В частности, Е.В. Епифанова отмечает наличие разнообразных определений *уголовно-правовой* политики. Однако далее раскрывает основные точки зрения на сущность *уголовной* политики [5, с. 26–27], тем самым отождествляя данные понятия. Иные ученые полагают, что указанные понятия обладают различной смысловой нагрузкой. Вопрос заключается в том, какого подхода придерживаются ученые при теоретическом анализе вопросов политики. В этой связи права Н.А. Лопашенко, которая выделяет три основных подхода к определению уголовной политики [10]:

1) широкое толкование уголовной политики как внутренней государственной политики в области борьбы с преступностью (кстати, чрезмерно широкое толкование, в частности, присуще уголовной политике Японии, где политика в сфере борьбы, сдерживания или контроля преступности носит ярко выраженный социальный характер [15, с. 98–110]).

2) среднее толкование уголовной политики, представители которой включают в ее содержание совокупность политик так называемых криминальных отраслей (уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную);

3) узкое толкование уголовной политики, связывающее ее только с уголовным законом и уголовным правом [9, с. 8–15].

При выборе наиболее оптимального подхода к решению вопроса о природе уголовной политики следует учитывать, что политика – это не только совокупность процессов в государстве, связанных с влиянием установок на содержание и выполнение преследуемых целей, но и *управление* ими [2, с. 39].

Конечно, речь в первую очередь идет о разрешении уголовно-правовых вопросов,

связанных с криминализацией – декриминализацией, пенализацией – депенализацией и т. п. Вместе с тем вполне обоснованно ученые указывают на служебную роль уголовно-процессуальных отношений применительно к отношениям уголовно-правовым [15, с. 101]. Следовательно, реализация уголовно-правовой политики немыслима без политики уголовно-процессуальной и наоборот.

Так, не случайно все большее распространение приобретает прогнозирование, в том числе и политическое. Действительно, юридическая наука характеризуется отсутствием общенаучной методологии прогнозирования последствий принимаемых решений, что неизбежно приводит к дефектности этих решений. Классическая, но естественная по указанной причине погрешность законодателя – разработка идеальных законов, которые должны хорошо работать в идеальном обществе. Прогнозирование ситуаций, в которых будет действовать закон, выявит: общество не идеально, граждане – далеко не законопослушны, отдельные правоприменители будут блокировать прогрессивную составляющую закона и т. п. [7, с. 108].

В этой связи В.В. Лунеев отмечает, что в настоящее время отсутствует знание и понимание социальных последствий преступности: «Мы не знаем реального объема преступности; мы не знаем ее полных социальных последствий; мы не знаем действительной эффективности борьбы с преступностью; мы не знаем, во что она в целом обходится человеческому сообществу; мы не имеем сколько-нибудь адекватного прогноза ее возможного развития на основе интенсивных изменений в мире. Более того, мы глубинно не изучаем эти проблемы. Мы привыкли ко всему этому «незнанию», как к стихии» [11, с. 38].

Следует признать, что и в рамках уголовного судопроизводства приходится сталкиваться с последствиями преступлений. Более того, существование самого уголовного судопроизводства также является следствием преступности.

В связи с упомянутым выше политическим прогнозированием необходимо учитывать, каким образом принятие того или иного решения может сказаться на других сферах государственной политики. Например, ученые отрицательно оценивают помилования и амнистии, которые в общественном созна-

нии зачастую нивелируют результаты деятельности органов уголовного преследования и суда.

Таким образом, следует согласиться с теми учеными, которые рассматривают уголовную политику в качестве совокупности составляющих ее элементов, среди которых выделяется и политика уголовно-процессуальная [4, с. 74; 9, с. 14; 13, с. 25; 14, с. 19]. Так, А.Л Репецкая отмечает, что уголовно-процессуальная политика является одной из составных частей государственной уголовной политики [20, с. 9], с чем полностью согласуется концепция уголовно-процессуальной политики, предложенная А.И. Александровым [1].

Следовательно, государственная уголовная политика по определению не может быть реализована исключительно нормами уголовного права в отличие, кстати, от политики уголовно-правовой.

Таким образом, по нашему мнению, неприменимо узкое понимание уголовной политики, которого придерживается ряд ученых.

Еще один вопрос, который требует своего разрешения, – это средства уголовно-процессуальной политики. С одной стороны, отмечается, что политика борьбы с преступностью зависит от внутреннего и внешнего положения страны [6, с. 23]. Вместе с тем традиционно считается, что уголовная политика – это политика внутренняя. Однако международные отношения и уголовно-процессуальная деятельность взаимообусловлены, что обеспечивается совокупностью следующих обстоятельств.

Если мы признаем, что уголовно-процессуальная политика реализуется на основе норм уголовно-процессуального права, то нельзя не обратить внимание на появление в УПК РФ части 5 «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», регулирующей основные вопросы оказания правовой помощи по уголовным делам, экстрадиции, а также передачи осужденного для отбывания наказания в государстве, гражданином которого это лицо является. Указанная деятельность носит внешнеполитический, международный характер и требует дополнительного урегулирования путем заключения международных договоров и соглашений.

Преступность в настоящее время приобретает не просто организованный, но международный, транснациональный характер [21]. Следовательно, возможностей каждого отдельно взятого государства, как минимум для контроля, сдерживания преступности, может оказаться недостаточно.

Фактическая реализация международной правовой помощи по уголовным делам может осуществляться не только (и не столько в уголовно-процессуальном порядке), но и преимущественно по дипломатическим каналам.

Следовательно, наиболее приемлемым для понимания сущности уголовно-процессуальной политики следует признать широкое ее толкование, позволяющее учитывать, с одной стороны, внешнеполитические инструменты, а с другой – внеправовые механизмы.

Таким образом, можно констатировать, что уголовно-процессуальная политика является самостоятельным направлением государственной социальной политики, которая должна рассматриваться ввиду своего производного характера как самостоятельный элемент уголовной государственной политики, выступающей во взаимосвязи с политикой уголовно-правовой и уголовно-исполнительной.

Следует признать, что уголовное судопроизводство одновременно выступает в двух ипостасях: как следствие такого социального явления, как преступность, а также как механизм, в сфере реализации которого проявляются иные последствия преступности.

Бесспорным направлением в развитии правовых идей современности следует признать модели защиты прав личности, которые, по мнению ряда ученых, призваны стать основой правовой политики, направлять правотворческую деятельность по воплощению прав человека во всем комплексе юридических норм. В этом аспекте содержание ст. 6 УПК РФ, как, впрочем, и гл. 2 в целом, соответствует данной идее. Следовательно, при первом поверхностном рассмотрении можно констатировать, что уголовно-процессуальная политика современного этапа – это политика, опирающаяся на идеи, провозглашенные в ст. 2 Конституции РФ (личность, ее права и свободы – высшая ценность в государстве). На законодательном,

нормативном уровне в этой части противоречий не возникает. Если проанализировать содержание уголовно-процессуальных принципов, то нетрудно заметить, что лишь некоторые из них в большей степени касаются процедурных основ уголовно-процессуальной деятельности (например, осуществление правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ), состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ), свобода оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ)). Большая же часть основных начал уголовного судопроизводства направлена на обеспечение прав личности, что, в свою очередь, невозможно без соблюдения уголовно-процессуальной формы (доктрина должной правовой процедуры). Бесспорно, следует согласиться с авторами в том, что УПК РФ содержит достаточное количество норм, регламентирующих процедуры в целях обеспечения прав личности. Вместе с тем возникает вопрос: исключительно ли защитой личных интересов руководствуется законодатель, закрепляя те или иные положения, внося изменения и дополнения в процессуальный закон? Попробуем на отдельных примерах разобраться с этим далеко не только теоретическим вопросом.

Итак, в первоначальной редакции ст. 18 УПК РФ предусматривала, что судопроизводство в военных судах на территории РФ ведется на русском языке. Однако уже в мае 2002 г. в кодекс были внесены изменения и дополнения, согласно которым правило об обязательном государственном языке судопроизводства было распространено и на Верховный Суд РФ (отсутствие которого изначально можно было объяснить только невнимательностью законодателя). Не найти вразумительного объяснения и тому, почему, несмотря на то, что Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 11 мая 2005 г. признал ст. 405 УПК РФ противоречащей Конституции РФ, изменения в нее были внесены спустя несколько лет. Федеральным законом от 14 марта 2009 г. ст. 405 УПК РФ была изложена в новой редакции, которая, в отличие от предыдущей, допускает пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора либо определения или постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за со-

бой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела, если в ходе судебного разбирательства были допущены нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на законность приговора, определения или постановления суда.

Претерпела изменения и ст. 113 УПК РФ в части запрета осуществления принудительного привода в ночное время. Так, согласно Федеральному закону от 4 июля 2003 г. законодатель ч. 5 ст. 113 УПК РФ дополнил словами «за исключением случаев, не терпящих отлагательства». Тем самым возможность подвергнуть лицо принудительному приводу была распространена на период с 22 часов вечера до 6 часов утра.

Федеральный закон от 5 июля 2007 г. распространил (наверное, в целях защиты прав личности) судебный контроль на избрание меры пресечения в виде залога, предусмотрев более длительную процедуру для решения данного вопроса по аналогии с заключением лица под стражу.

Наиболее показательным примером отсутствия стратегической линии осуществления единой уголовной политики является решение законодателем проблемы применения принуждения к подозреваемым. Так, в первоначальной редакции УПК РФ в случае применения меры пресечения к лицу до предъявления обвинения таковое должно быть ему предъявлено не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения или задержания. Однако указанное положение просуществовало лишь до 2004 г., когда ст. 100 УПК РФ была дополнена ч. 2. Смысл изменений заключался в расширении возможностей органов уголовного преследования отсрочить момент предъявления обвинения или отмены меры пресечения до 30 суток по делам о таких преступлениях, как: террористический акт; содействие террористической деятельности; захват заложника; организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем; бандитизм; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; насильственный захват власти или насильственное удержание власти; вооруженный мятеж; диверсия; нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой.

Однако уже 3 ноября 2009 г. перечень данных составов преступлений был дополнен еще одним: организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней). Неужели сразу при определении перечня таких составов преступлений нельзя было выделить те из них, которые обладают наибольшей общественной опасностью, подрывают основы государственности, ее стабильности и целостности?! Вопрос риторический.

Такие примеры можно было бы продолжить. Однако уже сейчас можно сделать несколько интересных выводов.

Во-первых, законодательная техника по-прежнему оставляет желать лучшего. Указанное подтверждается тем, что часть изменений, дополнений, вносимых в УПК РФ, обусловлены необходимостью устранения ряда просчетов и противоречий.

Во-вторых, «краеугольным камнем» уголовно-процессуальной политики следует признать вопросы применения принуждения, гарантированности обеспечения прав личности и законности их ограничения, оптимизации процессуальной формы. По большому счету речь идет о решении вопроса о балансе личных и государственных интересов в сфере уголовного преследования.

В-третьих, несмотря на все чаще высказывающиеся на страницах научных изданий мнения о необходимости гуманизации уголовной политики в той или иной части, тем не менее, более распространенной является точка зрения о необходимости дополнительной криминализации новых деяний. Да и сам законодатель идет по этому пути.

В-четвертых, зачастую уголовное судопроизводство является орудием разрешения уголовно-исполнительных вопросов. Проблему перегруженности уголовно-исполнительной системы, в частности, можно решить средствами уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики. Поэтому амнистию, помилование, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки следует считать средствами корректирования чрезмерно карательной политики государства, причем *на последних этапах производства по делу*. Бесспорно, это не способствует снижению затрат на уголовное преследование, не повышает доверие населения к правоохранительным органам и су-

дам, не способствует росту эффективности судопроизводства.

Следовательно, можно констатировать, что по-прежнему государственная уголовная политика носит карательный характер, с некоторыми элементами социальной направленности, но не в интересах отдельных лиц и общества, а в целях обеспечения функционирования собственного государственного механизма.

Вспоминается притча: как-то мудрец спросил у строителей дороги: «Ведет ли эта дорога к храму?». Строители пожимали плечами, качали головами, явно демонстрируя полное неведение относительно того, ведет ли дорога, которую строят, к храму. Тогда мудрец сказал: «Зачем же нужна дорога, если она не ведет к храму?». В настоящее время в России не только не определена дорога, ведущая к храму, но и большинству населения страны вообще трудно представить то направление, по которому оно идет [19, с. 45]. Следовательно, невозможность в настоящее время достичь баланса между эффективным противодействием преступности и соблюдением прав личности обусловлено отсутствием четкой концепции дальнейшего развития уголовно-процессуальной деятельности.

К чему же следует стремиться при реализации уголовно-процессуальной политики? В Руководящих принципах отношений между Советом Европы и Европейским Союзом от 16–17 мая 2005 г. указано, что Совет Европы и Европейский Союз основывают свои взаимоотношения на соблюдении прав человека, которые составляют основу стабильности и безопасности. Нельзя забывать и положения Концепции национальной безопасности РФ от 10 января 2000 г., где во втором разделе «Национальные интересы России» подчеркивается, что интересы личности заключаются в обеспечении личной безопасности. Действительно, гражданин и общество не столько жаждут борьбы с опасностью, сколько защиты, т. е. безопасности.

Таким образом, уголовно-процессуальная политика должна ориентироваться на предназначение уголовного судопроизводства защищать права личности, общества и государства не только от преступных посягательств, но и от их последствий, обеспечивать баланс законных интересов и безопасность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / под ред. В.З. Лукашевича. — СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 2003.
2. Большой толковый социологический словарь (Collins). — Т. 2 (П—Я). — М. : Вече, 1999.
3. Босхолов С.С. Современная уголовная политика как часть социально-правовой политики государства // Сиб. криминол. журн. — 2006. — № 1.
4. Газетдинов Н.И. Современная уголовная политика и отечественная доктрина о принципах уголовного судопроизводства // Журн. рос. права. — 2007. — № 7.
5. Епифанова Е.В. России необходима концепция уголовно-правовой политики // Рос. юстиция. — 2008. — № 4.
6. Зубков А.И., Зубкова В.И. Проблемы реформирования уголовной (карательной) политики на современном этапе // Журн. рос. права. — 2002. — № 5.
7. Клеандров М.И. Конституционные основы и вектор реформирования судебной системы // Конституции России 10 лет: опыт реализации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2003.
8. Клейменов М.П. Уголовно-правовое прогнозирование. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991.
9. Коробеев А.И. Российская уголовно-правовая политика: понятие и содержание // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сб. науч. тр. — Вып. 2. — Красноярск : СЮИ МВД России, 1999.
10. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. — М. : Волтерс Клувер, 2009.
11. Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. — 2009. — № 1.
12. Маклецов А. Проблема уголовной политики // Рос. криминол. взгляд. — 2009. — № 1.
13. Мальшева О.А. Уголовная политика и уголовно-процессуальный закон // Мировой судья. — 2004. — № 2.
14. Мальшева О.А. Уголовно-процессуальная политика — элемент единой уголовной политики // Рос. следователь. — 2005. — № 8.
15. Михеев Р.И., Морозов Н.А., Койдзуми Е. Уголовная политика Японии // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сб. науч. тр. — Вып. 2. — Красноярск : СЮИ МВД России, 1999.
16. Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. — 2002. — № 9.
17. Правовая политика и правовая реформа в современной России : (обзор материалов «круглого стола») // Государство и право. — 2009. — № 4.
18. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. — М. : Аспект Пресс, 1995.
19. Раянов Ф.М. Матрица правового государства и наша юридическая наука // Государство и право. — 2006. — № 8.
20. Репецкая А.Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1994.
21. Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность : учеб. пособие. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2005.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATED)

1. Aleksandrov A.I. Ugolovnaya politika i ugovolnyy protsess v rossiyskoy gosudarstvennosti: istoriya, sovremenost', perspektivy, problemy / pod red. V.Z. Lukashevicha. — SPb. : Izd-vo SPb. gos. un-ta, 2003.
2. Bol'shoy tolkovyy sotsiologicheskii slovar' (Collins). — Vol. 2 (P-Ya). — M. : Veche, 1999.
3. Boskholov S.S. Sovremennaya ugovolnaya politika kak chast' sotsial'no-pravovoy politiki gosudarstva // Sib. kriminol. zhurn. — 2006. — № 1.
4. Gazetdinov N.I. Sovremennaya ugovolnaya politika i otechestvennaya doktrina o printsipakh ugovolnogo sudoproizvodstva // Zhurn. ros. prava. — 2007. — № 7.
5. Epifanova E.V. Rossii neobkhodima kontseptsiya ugovolno-pravovoy politiki // Ros. yustitsiya. — 2008. — № 4.
6. Zubkov A.I., Zubkova V.I. Problemy reformirovaniya ugovolnoy (karatel'noy) politiki na sovremennom etape // Zhurn. ros. prava. — 2002. — № 5.
7. Kleandrov M.I. Konstitutsionnye osnovy i vektor reformirovaniya sudebnoy sistemy // Konstitutsii Rossii 10 let: opyt realizatsii : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. — Tyumen' : Izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 2003.

8. *Kleymentov M.P.* Uголовно-правовое prognozirovanіe. – Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1991.
9. *Korobeev A.I.* Rossiyskaya uголовно-правovaya politika: ponyatie i soderzhanіe // Aktual'nye problemy teorii bor'by s prestupnost'yu i pravoprіmenitel'noy praktiki : mezhvuz. sb. nauch. tr. – Iss. 2. – Krasnoyarsk : SYU I MVD Rossii, 1999.
10. *Lopashenko N.A.* Uголовnaya politika. – M. : Volters Kluver, 2009.
11. *Luneev V.V.* Sotsial'nye posledstviya, zhertvy i tsena prestupnosti // Gosudarstvo i pravo. – 2009. – № 1.
12. *Makletsov A.* Problema uголовnoy politiki // Ros. kriminol. vzglyad. – 2009. – № 1.
13. *Malysheva O.A.* Uголовnaya politika i uголовно-protssessual'nyy zakon // Mirovoy sud'ya. – 2004. – № 2.
14. *Malysheva O.A.* Uголовно-protssessual'naya politika – element edinoy uголовnoy politiki // Ros. sledovatel'. – 2005. – № 8.
15. *Mikheev R.I., Morozov N.A., Koydzumi E.* Uголовnaya politika Yaponii // Aktual'nye problemy teorii bor'by s prestupnost'yu i pravoprіmenitel'noy praktiki : mezhvuz. sb. nauch. tr. -Vyp. 2. – Krasnoyarsk: SYU I MVD Rossii, 1999.
16. Nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Pravovaya i kriminologicheskaya otsenka novogo UPK RF» // Gosudarstvo i pravo. – 2002. – № 9.
17. Pravovaya politika i pravovaya reforma v sovremennoy Rossii : (obzor materialov «kruglogo stola») // Gosudarstvo i pravo. – 2009. – № 4.
18. *Pugachev V.P., Solov'ev A.I.* Vvedenie v politologiyu. – M. : Aspekt Press, 1995.
19. *Rayanov F.M.* Matritsa pravovogo gosudarstva i nasha yuridicheskaya nauka // Gosudarstvo i pravo. – 2006. – № 8.
20. *Repetskaya A.L.* Vinovnoe povedenie poterpevshego i printsip spravedlivosti v uголовnoy politike. – Irkutsk : Izd-vo IGU, 1994.
21. *Repetskaya A.L.* Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' : ucheb. posobie. – Irkutsk : Izd-vo BGUEP, 2005.

Информация об авторе

Смирнова Ирина Георгиевна (Иркутск) – кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры уголовного процесса и криминалистики. ГОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права» (664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: smirnova-ig@isea.ru)

Information about the author

Smirnova, Irina Georgiyevna (Irkutsk) – Ph.D. in Law, Ass. Professor, Post-Doctoral researcher, Chair of Criminal Process and Criminalistics. Baikal National University of Economics and Law (11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: smirnova-ig@isea.ru)